
Джеймс Понтузо
США

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕЛИГИИ
В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ» СОЛЖЕНИЦЫНА¹

*Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост.
Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 185–191*

Александра Солженицына часто характеризуют как христианского писателя, который, по мнению некоторых критиков, так глубоко укоренён в своём религиозном мире, что не способен видеть что-либо вне его. Несомненно, Солженицын — религиозный мыслитель, но, как это характерно для всего его мировоззрения, и в вере своей он далеко не так прост и прямолинеен.

Подобно тем, кто, обвиняя Солженицына в бездумном славянофильстве, очевидно, не принимает во внимание содержащуюся в его «Красном Колесе» сокрушительную критику царского режима и, в сущности, всего русского общества, комментаторы, утверждающие, что нобелевский лауреат — ограниченный сектант, не дают себе труда осмыслить ни его осуждение религии, ни его сложное оправдание веры.

Хотя, как правило, бывает нелегко вычленив из общей ткани художественного произведения личные воззрения автора, о взглядах Солженицына на религию и о его расхождении с ней можно судить по его персонажам.

Например, проповедуемый Толстым христианский принцип любви к ближнему на деле подрывает стремление человека противостоять злу². Толстой утверждает, что люди не управляют и не могут управлять ходом истории и что только любовь к ближнему порождает реальную надежду на изменение общества к лучшему. Между двумя этими положениями существует причинно-следственная связь: если люди не могут управлять историей, их не должны беспокоить последствия их действий. Нет необходимости вести себя добродетельно и благоразумно, поскольку ход событий заранее предопределён без нас. Таким образом, люди имеют право и обязаны следовать заповеди о любви к ближнему и не предпринимать никаких насильственных действий по отношению к другим людям даже в целях противодействия злу (7; 368).

Однако если, как утверждает Солженицын, люди способны влиять на ход истории, то догмат о любви к ближнему в политическом смысле несостоятелен. Он требует, чтобы люди добропорядочные и соблюдающие принцип ненасилия покорялись господству людей порочных. Позволить злу править бал никак не может быть целью нравственного закона. Следовательно, нельзя отказываться от разумного сопротивления злу.

Солженицын признаёт, что в отвлечённом виде взгляды Толстого благородны. Но на практике они побуждают людей безропотно принимать свою судьбу, и, возможно, это привело, например, к тому, что некоторые представители высших военных кругов России не подготовились должным образом к войне.

Учение Толстого порождало также несбыточные, близкие к наивному перфекционизму ожидания по поводу благотельных социальных реформ. Эти идеалы привели значительную часть образованного класса России к неприятию всего русского. Даже разумные реформы, например те, что проводил Пётр Столыпин, отвергались многими представителями «либеральной» элиты из-за того, что не соответствовали безупречным теоретическим построениям Толстого. А тем временем пацифистские убеждения кое для кого стали одним из способов уклонения от военной службы — пример весьма удобного персонального употребления высоких нравственных идеалов (8; 34–35).

Религия не только делает людей более уступчивыми, она, как это ни парадоксально, приводит к ограниченности и узости сознания верующих. Солженицын впечатляюще описывает религиозные распри и гонения на старообрядцев. Затронул он и пресловутый «еврейский вопрос» — как объясняет в романе «Октябрь Шестнадцатого» Александр Гучков, «самый важный, самый острый, самый первый и характерный» из всех российских вопросов (9; 51–53, 10; 42). Поэтичным слогом рассказывает автор притчу, символизирующую склонность религии породить между людьми вражду:

«Божья истина — как Правда-матушка из народной сказки. Выезжало семеро братьев на неё посмотреть и увидели с семи концов, с семи сторон, и, воротясь, рассказывали все по-разному: кто назвал её горою, кто лесом, кто людным городом. И за неправду рубили друг друга мечами булатными, все полегли до единого, и умирая — сыновьям наказывали рубиться до смерти ж...» (9; 65–66).

В обиходе верхушки царского режима религия была в сущности чем-то вроде обычного суеверия (8; 451–452). Царь и его высшее офицерство молились о победе, вместо того чтобы должным образом её готовить (8; 343, 451–453, 465). Быть может, именно потому, что в правящих верхах России православие ограничивалось лишь молитвами о ниспослании удачи, оба главных персонажа «Красного Колеса», Столыпин и полковник Георгий Воротынцев, обдумывая свои действия, почти не принимают его в расчёт (8; 191).

Наконец, в более широком аспекте, Солженицын показывает, что почти все образованные люди в предреволюционной России считали традиционную религию устаревшей, ограниченной и неубедительной (7; 39–49, 76). Автор подчёркивает, что существуют фундаментальные расхождения между просвещением и религией (7; 368). В современную эпоху, когда истина проверяется строгими научными доказательствами, целая бездна разделяет разум и откровение. Афины и Иерусалим никогда не были так далеки друг от друга (8; 435–439).

Чем же тогда религия важна для нас? Взгляды Солженицына по этому поводу выявляются в том, как он изображает четырёх своих персонажей.

Многие признают религию основой морали, и вопрос об истинности исповедуемого вероучения их почти не занимает. Хотя религиозность может представлять собой заученный в рамках культуры набор типов поведения, основной вклад религии в цивилизацию определяется тем, что символы веры принимаются людьми спонтанно и бесхитростно. Все религии учат исполнению долга перед ближним и накладывают ограничения на эгоизм индивидуума. Религия, таким образом, служит фундаментом человеческого сообщества.

Несмотря на своё высокое положение, а возможно, как раз по этой причине царица Александра проводит много времени в своём собственном лазарете, оказывая помощь раненым солдатам. «...Особенно соединяла её с ранеными — молитва вместе» (10; 486). Люди «искушённые» могут счесть её веру наивной, но религия научила императрицу ответственности.

Жизнь Ленина тоже посвящена другим людям. Он намерен создать общество, которое избавит род человеческий от неравенства, несправедливости и страданий. Ленин убеждён, что он полнее, чем кто бы то ни было, предан делу совершенствования общества, и потому считает себя не связанным никакими нормами, кроме тех, что диктуются ему собственным миропониманием. «Отметной особенностью его было — никогда ни с кем не соглашаться, всегда иметь своё мнение» (8; 95)³.

Ленин либо игнорирует, либо считает несущественными такие повседневные занятия, как стремление к материальному достатку, забота о семье или внимание к проблемам и тревогам других людей. Его жена полностью посвятила себя его благополучию; она оказывает ему финансовую поддержку, берёт на себя все бытовые заботы, подчиняется любому его распоряжению и даже принимает в своём доме его любовницу (7; 205–206).

Ленин настолько эгоцентричен, что не терпит слабостей других — например: «ошибок он вообще не прощал. Ничьей ошибки он не мог забыть никогда» (7; 203). Он почти не способен на сопереживание другим людям. Инесса Арманд — «единственный человек, чьё настроение передаётся, потягивает, даже издали» (7; 205). Почти не считаясь с потребностями других, если они не имели отношения к его революционным планам, «ничего он не стыдился» (7; 207).

Трудно найти двух более разных людей, чем Ленин и вымышленный герой «Красного Колеса» Воротынцев. Один — интеллектуал, другой — воин. Один хочет разрушить Россию, другой — её защитить. Но у Ленина и Воротынцева много сходных индивидуальных черт. Каждый из них абсолютно предан своей цели. Оба во всём, что относится к повседневному быту, зависят от своих жен, благодаря которым имеют возможность заниматься общественными делами. Оба лишены каких-либо сильных человеческих привязанностей. Ленин никогда не чувствует себя обязанным кого-либо благодарить, и Воротынцеву «не приходило в голову оценить размеры жертв», которые его жена принесла ради его карьеры. «Он просто был мало чувствителен» (9; 98). Оба, по-видимому, не безразличны к своим жёнам, даже когда заводят бурные романы с другими женщинами. Они

отделяют свои любовные истории от семейной жизни так же, как свою частную жизнь от общественной деятельности. Ни у того, ни у другого нет опыта глубоких чувств, и оба захвачены врасплох страстью к своим возлюбленным.

Конечно, Ленин и Воротынцев на самом деле не похожи один на другого. Они двойники, зеркальные отображения друг друга. Воротынцев храбр, патриотичен и живёт общественными интересами. Ленин же подобные качества порицает. Воротынцев — воплощение классических достоинств истинного мужчины (10; 33). Из него получился бы превосходный римский легионер или страж в «Государстве» Платона. Но, как это обычно случается со стражами, неясно, нужна ли преданность Воротынцева в мирное время. Воротынцев не любит войну как таковую, но он превыше всего ставит абсолютную и полную жертвенность, которая требуется в военное время (7; 111–112). Он считает, что «чувством, достойным мужской груди, может быть только патриотическое, или гражданское, или общечеловеческое» (7; 122).

Большинство людей не похожи на Воротынцева. Для подавляющего большинства личные интересы важнее, чем участие в общественных делах. Для них деньги, личное продвижение или успех, преданность семье и друзьям перевешивают готовность служить общему благу. Такая позиция во многом определяется здравым смыслом, поскольку, хотя люди и зависят от общества и властей, которые обеспечивают им личную безопасность и элементарное правосудие, даже наилучший общественный порядок не в состоянии сделать людей счастливыми, дать им чувство удовлетворения или полноты самовыражения. По-настоящему волнующие нас события всегда личного свойства. В качестве примеров жизненных переживаний, которые оказывают истинное влияние на внутреннюю жизнь человека, на его глубочайшие надежды и страхи, можно назвать восторг влюблённости, гордость и радость при рождении ребёнка, боль от потерянной любви, смерть близкого человека или чувство вины или раскаяния в том, что не исполнил должного.

Если общество не способно разрешить все наши проблемы, то нам приходится самим строить свою судьбу. Мы постоянно находимся в положении выбора, и при этом неизбежно встают вопросы морали.

К примеру, каким образом даже наиболее разумно организованное общество могло бы поправить выбор, сделанный Зиной? Чем даже самый справедливый режим мог бы залечить её душевную рану, когда она потеряла ребёнка и пренебрегла своими обязанностями? В последней главе романа «Октябрь Шестнадцатого» мы видим, как она, переживая смерть своего малыша, потерянная, погружённая в своё безутешное горе, бредёт по улице. Почти не заметив, как это произошло, она оказывается в церкви. Её внутренний диалог обнажает её вину и боль, раскаяние в том, что она оставила ребёнка ради встречи с любовником. Она в гневе на самоё себя. Ведь чувство обиды на то, что любовник её бросил, она изживала, заведя роман с женатым человеком. И она испытывала злорадство, разрушая его брак, путём шантажа вынудив его всё рассказать жене.

Думая обо всём этом, Зина колеблется между чувством вины, попыткой рационального объяснения случившегося, гневом, отрицанием и стремлением переложить вину за свои ошибки на других. Она оправдывает, защищает и прощает своё поведение и в то же время чувствует, что достойна порицания и что вина её неискупима. Мы почти видим, как через её душу проходит разделительная линия между добром и злом. Но, когда она смотрит в церкви на икону, у неё возникает чувство, что есть в мире некто всеведущий и всепрощающий, что он видит её муки, побуждает её осознать свои поступки и принять ответственность за них, помогает утолить её печаль.

Нравственность начинается с осознания того, как наши действия могут сказаться на других людях. Мы можем поставить себя на место других и почувствовать — или вообразить, что чувствуем, — их радости и печали. Нравственное чувство возникает из внимания к тому, как другие воспримут наше поведение. В отличие от лишённого телесной оболочки «добра», которое было мерилем нравственности во времена античности, или воображаемого беспристрастного «наблюдателя»⁴, который, по утверждению Адама Смита, внушает людям нравственное чувство, библейский Бог — не отвлечённое понятие, а существо, наделённое сознанием. И это заставляет нас взвешивать все наши внутренние побуждения. Конечно, это не значит, что Бог всегда присутствует где-то рядом, но вера в Бога приводит нас к внутреннему диалогу. Мы вынуждены объяснять кому-то наши действия, находить им оправдание. Так мы следуем совету Сократа «познай самого себя», что особенно нелегко, если мы совершили что-то дурное. Восприятие Бога как мыслящего существа заставляет нас проникнуться пониманием своего внутреннего «я», которое отсутствует у Ленина и не вполне развито у Воротынцева, но которое, как ни странно, присуще простой набожности и милосердию царицы.

«Красное Колесо» Солженицына содержит феноменологический обзор проявлений религиозности. Автор показывает нам, как по-разному воздействуют религиозные принципы на душу человека. Набожность способна сделать нас бездумными оптимистами, бездеятельными и ограниченными людьми или неистовыми фарисеями.

И всё же кем бы мы были без религии? Взамен её Ленин намерен предложить людям улучшение условий их существования. Им движут не только мотивы личного успеха. Он надеется создать общественную систему, которая разрешила бы проблему экзистенциальной неопределённости бытия. То был проект, который стал смыслом его жизни и руководством для его последователей. Ленин в высшей степени самоуверен — возможно, это избыточная компенсация сомнений и колебаний, сопровождающих каждое его решение. Он верит, что марксистская философия разрешила все загадки бытия. Между тем, вопреки утверждениям Маркса, бытие всегда окутано тайной. Поэтому в стремлении укротить неуловимую природу бытия Ленин навязывает свою волю и другим людям — заставляя их повиноваться, и природе — чтобы сделать её щедрой,

и самому бытию — с целью его упорядочить. Поскольку он не допускает даже мысли о том, что может существовать кто-либо превосходящий его своими достоинствами, он тяготеет к тирании. Он не обладает способностью к внутреннему диалогу, который мог бы умерить его честолюбие или смягчить его жестокость. Солженицын проясняет одну из причин, почему возвышенные надежды марксистских политических реформ обернулись насилием и репрессиями. Марксизм стремится покорить судьбу. Он желает освободить людей от случайностей, тревог и материальной нужды. Он намерен дать людям возможность самим решать свою участь. Но эта цель недостижима, потому что начало, конец и цель нашего существования не поддаются исчерпывающему постижению. До тех пор пока будет сохраняться тайна, окружающая человеческую жизнь, тоталитарный соблазн будет сохранять свою привлекательность, ибо он стремится уничтожить тайну (7; 369–370, 9; 481–499, 10; 89–119).

Царица Александра настолько же не искушена в мирских делах, насколько Ленин опытен, настолько же консервативна, насколько он радикален, настолько же привержена европейским культурным нормам начала XX века, насколько Ленин им противостоит. Наивность Александры делает её легковверной, и последующие события, как известно, показали, насколько губительной была эта доверчивость для царской семьи и для России. Тем не менее, несмотря на власть и привилегии, Александру удерживают от дурных поступков религиозные заповеди, вошедшие в усвоенные ею культурные нормы. Она принимает превратности жизни, потому что смотрит на них, руководствуясь традиционными заветами веры. Так, она не пытается переделать человеческую натуру или разрешить загадку бытия, что неминуемо повлекло бы за собой обращение к насилию. Вместо этого она старается жить согласно христианскому принципу любви к ближнему, помогая тем, кому она может помочь. Религия оказывает на неё такое же действие, какое всегда было характерно для её роли в человеческой цивилизации: она обуздывает низкие побуждения и напоминает о гражданском и личном долге.

Из Воротынцева получился бы отличный офицер римского легиона. Хотя в бою воины отличались свирепостью, у них было сильно развито чувство гражданского долга и верности древним законам Рима. Немилосердно истребляя врагов, они не чувствовали жалости и не предавались раскаянию. Их жестокость не порождала в них тревоги или сомнений. Если же им случалось задумываться о правомерности своих действий, то они находили утешение в религии, которая оправдывала их поведение. Поскольку римские божества были городскими богами, судьба солдатских душ определялась успехами Рима.

Изъян языческих религий — свойственный и отношению Воротынцева к бытию — в том, что такие верования не уделяют внимания внутренней жизни человека. Их больше заботит успех данного сообщества, чем судьбы входящих в него людей. Те немногие римляне, которые понимали слабости гражданской религии, притворялись набожными и «с улыбкой сожаления и снисхождения, — по словам Эдварда Гиббона, — упорно держались обрядов своих предков»⁵.

Христианство без труда, даже не прибегая к силе оружия, подчинило себе Рим, одну из самых могущественных империй в истории. Оно предложило римлянам моральный кодекс, выходящий за границы города, и божество, готовое понять глубинные движения человеческой души. «Ибо по внутреннему человеку, — говорит св. апостол Павел, — нахожу удовольствие в законе Божиим...» (Рим. 7: 22).

Личная судьба Зины мало что значила в падении царизма, поражении России в Первой мировой войне или приходе к власти большевиков. Она второстепенный персонаж и напоминает ранних христиан, которых римские власти не замечали или презирали. Но душевные метания Зины показывают, как религия может облегчить и скрасить жизнь. Она укрепляет наше врождённое чувство сопереживания другим людям. Она стремится ослабить, не пытаясь полностью подавить, наше столь естественное внимание к самим себе. Она заставляет нас держать ответ перед некоей высшей силой, а та, в свою очередь, побуждает честно судить о том, правы ли мы в своих решениях. Она утешает нас в минуты печали. Она даёт нам средство постижения тайны жизни и смерти, свободного от бесплодных попыток подчинить бытие человеческой воле.

Примечания

¹ Перевод с англ. В. Зайцева.

² См.: *Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7. С. 34; Т. 8. С. 162.* Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

³ Автор статьи (видимо, по ошибке) использует для характеристики Ленина оценку, данную в романе другому персонажу — Богрову. — *Примеч. перев.*

⁴ Адам Смит поясняет: «Когда я разбираю своё собственное поведение, хочу оценить его, стараюсь оправдать или осудить, очевидно, что в таком случае я, так сказать, раздваиваю себя: одна половина меня, судья и ценитель, играет совершенно иную роль, нежели другая половина, поведение которой оценивается и разбирается. Первое из этих двух лиц, соединённых на время во мне одним, есть наблюдатель, чувства которого я стараюсь принять, мысленно переносясь на его место и смотря оттуда на моё поведение. Второе лицо есть существо действующее, которое и есть именно я: его-то поступки и стараюсь я взвесить с точки зрения наблюдателя. Словом, одно лицо судит, а о другом судят. Но, очевидно, могут быть положения, в которых и судья, и тот, о котором судят, не могут оставаться одним и тем же лицом, как не могут быть одним и тем же и причина, и производимое ею действие» (*Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 124*).

⁵ *Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / Пер. с англ. М.: Прогресс-Культура; СПб.: Ювента, 1994. С. 108.*